

БИБЛІОГРАФІЯ.

Феодоръ Симо́нъ. Психологія Апостола Павла. Переводъ съ нѣмецкаго Епископа Георгія. Москва 1907. Цѣна 90 к. Стр. II + VII + IIб.

Бѣдность русской богословской литературы проявляется между прочимъ и скудостію въ ней переводныхъ иностранныхъ трудовъ. Даже многіе классическіе труды всемірно извѣстныхъ древне-христіанскихъ богослововъ греческихъ и латинскихъ во множествѣ доселѣ осядутъ безъ перевода. Нѣсколько было оживившаяся во второй половинѣ прошлаго столѣтія дѣятельность по переводу древне-отеческой литературы въ Духовныхъ Академіяхъ и Оптиной пустыни смѣнилась потомъ полнымъ застоємъ и въ настоящее время имѣеть чахлый видъ.

Еще печальнѣе положеніе переводной литературы новѣйшихъ иностранныхъ богословскихъ трудовъ. Вѣроисповѣдныя разности до послѣдняго времени вынуждали русскихъ богослововъ оригиналы классическихъ и капитальныхъ иностранныхъ трудовъ замѣнять компиляціями, нерѣдко очень слабыми, или же замаскированными передѣлками въ православномъ духѣ.

Только уже въ самыя послѣдніе годы стали появляться въ значительномъ количествѣ переводы иностранныхъ богословскихъ трудовъ. Къ сожалѣнію, это дѣло находится въ рукахъ партійныхъ. Переводятся не наиболѣе капитальные и научно-объективные труды, но преимущественно тенденціозно-отрицательнаго направленія, и притомъ наиболѣе популярныя, въ расчетѣ на широкое распространеніе среди неимѣющихъ научно-богословскаго образованія читателей, большею частью падкихъ до запрещеннаго доселѣ плода и склонныхъ

вѣрить всякой смѣлой печатной строкѣ. Издаются Штрауссы, Фейербахи, Ренаны, Велльгаузены, Гарнаковскія популяризаціи Сендерленды и др. Переводчики противоположнаго лагерь, увлекаясь болѣе торгово-промышленными, чѣмъ идейно-научными интересами, большею частью ограничиваются изданіями мало научными и популярно написанными, въ родѣ Дидона, Гейки, Фаррара и под. Напротивъ, труды капитальные и объективнонаучные, въ большинствѣ тяжелые и вѣскіе, широкой публикѣ не интересные и мало доступные, у насъ не находятъ себѣ ни переводчиковъ, ни издателей. Причины ясны. Для переводчика тутъ нужно спеціально - научное богословское образованіе, а отъ издателя требуется самоотверженная рѣшимость на малый барышъ или даже полную безпроцентность риска.

Съ тѣмъ большею пріятностью мы привѣтствуемъ появленіе книжки нѣмецкаго пастора Теодора Симона „Психологія Апостола Павла“ въ русскомъ переводѣ Преосвященнаго Георгія, Епископа Каширскаго, Викарія Тульскаго. Безпартійный, чисто научный характеръ труда Симона и его переводъ Епископомъ Георгіемъ должны ручаться въ томъ, что изданіе не можетъ быть мамонослуженіемъ и издательскомъ гешефтомъ, но имѣетъ чистую идейно - научную цѣль. По своему содержанію и характеру трудъ Симона не можетъ рассчитывать на слишкомъ широкое распространеніе, такъ какъ не занимается критикою основъ христіанства, но предназначается для спеціальнаго уясненія текста посланій Св. Ап. Павла и его вѣроученія.

Заглавіе книжки: „Психологія Апостола Павла“ — неточность. Апостоль не былъ психологомъ въ строгомъ и научномъ смыслѣ этого термина, онъ не писалъ спеціальныхъ трактатіи по наукѣ, называемой именемъ психологіи. Апостоль былъ христіанскимъ вѣроучителемъ и его воззрѣнія на человѣка опредѣляются его вѣроученіемъ. Поэтому содержаніе книжки Симона сводится къ уясненію психологической, точнѣе антропологической стороны вѣроученія Ап. Павла,—его воззрѣній на составъ человѣческаго существа, тѣло, душу, плоть, духъ, какъ той области, гдѣ совершается процессъ спасенія человѣчества чрезъ вѣру въ Иисуса Христа.

Со стороны содержанія трудъ Симона вызываетъ много частныхъ и общихъ недоумѣній.

Уже самъ переводчикъ въ предисловіи указаль на это, нарочито отмѣтивъ утверженіе Симона, будто Апостоль не признаваль воскресенія грѣшниковъ, и матеріалистическое представленіе его „славы Божіей“ (*δόξα*) какъ свѣтоваго ээира.

Но число такихъ недоумѣній мы должны значительно увеличить. Такъ самое воскресеніе тѣлъ праведниковъ авторъ представляетъ какъ-то грубо матеріалистически, принимая терминъ „почивать—*κοιῦσθαι*“ не какъ сравненіе, а въ буквальномъ смыслѣ сна и сновидѣній или грезъ, пробужденіе отъ коихъ и представляетъ воскресеніе мертвыхъ, такъ что „со дня смерти до дня воскресенія прекращается назначеніе человѣка открываться въ мірѣ и воздѣйствовать на него.... Существованіе, правда, продолжается, но только какъ грезящее ожиданіе жизни“ (стр. 8—9). Но этому противорѣчитъ какъ психологической опытъ (грезы, сонъ и сновидѣнія суть состоянія не часто духовныя, но душевно-тѣлесныя, слѣдовательно не примѣнимыя къ духу безъ тѣла), такъ и ученіе Апостола, что „сѣется тѣло душевное, востаеъ тѣло духовное“, а не то самое, какое предполагается пробужденіемъ отъ сна и которое подвергается ислѣвнiю. (Сравнить просимъ еще явленіе Христу Моисея и Иліи при преображеніи). Для доказательства нѣкоторыхъ рискованныхъ теологическихъ тезисовъ авторъ прибѣгаетъ къ утрировкѣ текстовъ и схоластицизму буквализма. Такъ отрицаніе воскресенія грѣшниковъ утверждается на Римл. 6, 21. 23 и Гал. 6, 8, гдѣ идетъ рѣчь о грѣхѣ, собственно какъ причинѣ смерти и тлѣнія одинаково для всѣхъ потомковъ Адама, праведныхъ и грѣшныхъ, а совсѣмъ не о томъ, что грѣшники не воскреснутъ. (Замѣтимъ кстати, что къ указанію переводчика на „*всѣ* мы измѣнимся“ 1 Кор. 15, 51, гдѣ при терминѣ „*всѣ* *мы*“ авторъ можетъ разумѣть только праведниковъ и вѣрующихъ, считаемъ нужнымъ присоединить: 1 Кор. 6, 2 — 3, гдѣ „святымъ“, т. е. вѣрующимъ христіанамъ усвоается судъ надъ міромъ и ангелами. Ср. 1 Кор. 3, 13—15; 2 Тим. 4, 8 др. также 1 Тим. 4, 10 и Римл. 11, 26. Возникаетъ наконецъ вопросъ о судьбѣ тѣхъ язычниковъ, кои хотя „естествомъ законное творили“, но не увѣровали, потому что не слышали: Римл. 2, 14 и 10, 14). Подобное же злоупотребленіе буквалистическою схоластикой находимъ

въ доказательствѣ того, что именно Адамъ — мужъ, а не Ева—жена „преимущественно (почему же не исключительно?) есть то лицо, которое сообщаетъ грѣховность плоти (почему же не душѣ?) при рожденіи“ на основаніи Римл. 5, 12: „*черезъ одного чловѣка* (Симонъ толкуетъ: черезъ мужа—Адама) грѣхъ вошелъ въ міръ“, ст. 19: *непослушаніемъ одного чловѣка* (Адама?) сдѣлались многіе грѣшными“, ст. 15 и 17: „*преступленіемъ одного* смерть царствовала посредствомъ одного“. Такою методою толкованія можно доказывать, что Ева не была повинна въ преступленіи заповѣди божественной, что она была свободна отъ грѣха и не должна была подвергаться смерти (стр. 66—67). На стр. 8 авторъ утверждаетъ, что будто бы, по ученію Ап. Павла, „безбожные продолжаютъ существовать въ видѣ тѣневой несчастной жизни души, изъятые отъ воскресенія тѣла“,—и что „ихъ состояніе есть прямая противоположность „вѣчной жизни“ праведниковъ“. Такимъ образомъ авторъ не имѣетъ яснаго представленія о „жизни“ и „смерти“, точнѣе—о „вѣчной жизни“ и „вѣчной смерти“, навязывая Апостолу, рѣшительно безъ всякихъ основаній, греко-языческое представленіе объ адѣ („тѣни мертвецовъ“) и безсмертіи боговъ—олимпійцевъ съ утонченною, но все же „душевною“, а не духовною“ тѣлесностію.

Болѣе общіе и существенные недостатки труда Симона слѣдующіе:

1) Преднамѣренное устраненіе теологіи и метафизики изъ вѣроучительной системы Ап. Павла и искусственное ограниченіе изслѣдованія одною только психологическою, точнѣе—антропологическою стороною. Апостоль, повторимъ, былъ не психологъ, а вѣроучитель. Всѣ отдѣльныя и, такъ сказать, разноцвѣтныя нити его разсужденій о чловѣкѣ концами своими уходятъ къ небу, тамъ находятъ высшій синтезъ и сплетаются въ одну стройную и прекрасную теологическую ткань. Неестественность и невозможность такого отграниченія въ вѣроученіи Ап. Павла одной только психологической стороны сказывается уже въ томъ, что самъ авторъ, вопреки своему рѣшительно заявленному намѣренію (стр. 71), постоянно увлекается изъ чисто психологической сферы въ теологическую (стр. 80 дал.), въ теоретическія разсужденія о грѣхѣ, искупленіи, благодати, — въ поверхностную и возбуждающую много недоумѣній трактацію о Логосѣ и Свя-

томъ Духъ (стр. 81—83). Отсюда у автора остаются не выясненными, оторванными отъ идейно-теологической почвы и какъ бы висящими на воздухъ основныя воззрѣнія Ап. Павла на отношеніе человѣка къ Богу, Логосу, Святому Духу, къ универсу вообще и къ неразумной твари въ частности (Рим. 8, 19 дал.) и др. мн.

2) Существеннымъ недостаткомъ труда Симона является отсутствіе сравненія ученія Ап. Павла о человѣкѣ съ греко-римскимъ языческимъ и иудейско-раввинскимъ. Отъ этого все построеніе автора получаетъ не научно-объективный, а догматическій характеръ. Говоря образно, ученіе Апостола разсматривается не какъ организмъ въ условіяхъ его жизненнаго процесса, а какъ мертвый и заостенѣлый трупъ,—анатомически, а не фізіологически, т. е. неестественно и невозможно.

3) Какъ необходимое и прямое слѣдствіе двухъ указанныхъ недостатковъ является неудовлетворительность выясненія понятій плоти (*σάρξ*), тѣла (*σῶμα*), души (*ψυχή*) и духа (*πνεῦμα*) вообще, и особенно въ христологическомъ отношеніи. Связь *ψυχή* и *σάρξ* авторъ понимаетъ внѣшне-механически и дуалистически, въ видѣ предустановленной гармоніи (стр. 48). Тоже надо сказать объ отношеніи грѣха къ плоти. Плоть мыслится какъ „организованная матерія, въ которую ниспало внутреннее существо человѣка, какъ „душа“ (стр. 48). Эта плоть является органомъ и средою грѣха, порождаемаго вліяніемъ личной злой силы діавола на плоть человѣческую. Но первоначало зла усвоится не плотяному человѣку, а безплотному и безсмертному духу—діаволу. Отсюда грѣхъ, плоть и смерть, несмотря на всѣ усилія автора органически связать эти понятія или явленія, остаются разорванными и необъясненными въ своихъ реальныхъ дѣйствіяхъ среди человѣчества и всего универса. Отсюда же далѣе остаются у автора лишь поверхностно затронутыми, но не нашедшими глубокаго обоснованія проблемы объ отношеніи закона и благодати между собою, ко грѣху и спасенію человѣка, объ отношеніи грѣха къ смерти,—о вѣчной вмѣняемости грѣха и его сущности,—объ искушеніи и смерти Христа—безгрѣшнаго Богочеловѣка. Самое искупленіе авторъ понимаетъ внѣшнимъ образомъ, лишь какъ возвращеніе человѣка къ первобытному состоянію невинности Адама до грѣхопаденія,

что въ отношеніи къ начальному (пока человѣкъ живетъ во плоти на землѣ) моменту искупительнаго процесса въ человѣка невѣрно, ибо и искупленный человѣкъ грѣшитъ и умираетъ (ср. Гал. 2, 17—21), а не безгрѣшенъ и не безсмертенъ, какъ Адамъ до грѣхопаденія,—а въ отношеніи къ конечной цѣли и идеалу спасенія—слишкомъ узко, ибо въ искупительномъ процессѣ новорожденія человѣкъ долженъ изъ душевнаго состоянія по образу Адама перстнаго и земнаго стать духомъ животворнымъ по образу небснаго Христа Богочеловѣка. Воззрѣнія автора на грѣхъ и плоть ведутъ къ мысли о возможности спасенія человѣка посредствомъ внѣшне-механическаго или магическаго освобожденія его отъ плоти или сверхъестественнаго воздѣйствія на діавола въ смыслѣ внѣшняго устраненія его вліянія на человѣческую плоть, безъ домостроительной необходимости боговоплощенія и осуществленія въ исторіи человѣчества идеи богочеловѣчества. Но хотя согрѣшившіе ангелы и связаны узами адскаго мрака до суда надъ ними и наказанія (2 Пет. 2, 4 ср. Іуд. 6), однакожъ люди продолжаютъ грѣшитъ и послѣ искупленія. Наконецъ совсѣмъ остается невыясненнымъ основное и первоначальное понятіе теологической системы Ап. Павла, служащее дверью въ нее, именно понятіе вѣры, какъ субъективной психофизической или духовно-тѣлесной силы, перерождающей человѣка душевнаго въ новаго духовнаго, созидающей ему изъ тѣла душевнаго тѣло духовное, освобождающей его отъ грѣха и смерти и преобразующей его по образу Христа Богочеловѣка отъ славы въ славу, пока Христосъ вообразится во всѣхъ и Богъ будетъ все во всемъ.

Но значеніе книжки Симона для русской богословской литературы не въ самомъ рѣшеніи великихъ истинъ вѣроученія Апостола Павла, а въ ея методологической и внѣшне-формальной сторонѣ.

Тридцатилѣтній профессорскій опытъ открылъ мнѣ, что наши молодые богословы не только не понимаютъ Ап. Павла (исключенія конечно исключаются), но даже и не имѣютъ представленія о своемъ непониманіи и о томъ, что надо разумѣть подъ этимъ. Приучаясь къ внѣшне-вербальному и безидейному пересказу апостольскаго текста, они не вступаютъ въ соприкосновеніе съ душою текста, почему вся за-

хватывающая глубина вѣроученія Великаго Апостола остается за горизонтомъ ихъ умозрѣнія, какъ полнѣйшая terra incognita. Основною причиною этого печальнаго явленія служить отсутствіе психическаго переживанія экзегетами великихъ вѣроучительныхъ истинъ Новаго Завѣта вообще и посланій Апостола Павла въ частности,—истинъ, своими корнями захватывающихъ тайныя глубины человѣческаго сердца, а своими вершинами уходящихъ въ сокровенныя мистическія высоты неба и Бога. Это психическое переживаніе и общеніе духа толкователя съ толкуннымъ есть необходимое условіе всякаго научнаго экзегеса,—литературнаго, художественнаго и нравственно-религіознаго. Безъ него невозможенъ и научный комментарий Новаго Завѣта.

Трудъ нѣмецкаго пастора Теодора Симона даетъ наглядные и во многихъ случаяхъ хорошіе образцы такого психическаго переживанія апостольскихъ разсужденій или нравственно-психологическаго толкованія посланій Ап. Павла. Внимательное изученіе этой небольшой книжки дастъ понять, какъ можно уяснить для себя великія истины апостольскаго вѣроученія, постигать ихъ захватывающую жизненность, непререкаемую истинность и глубокую проникновенность до раздѣленія души и духа, ищущихъ спасенія, святости и безсмертія, т. е. богочеловѣчества по Христу Богочеловѣку.

Кстати. По школьному предрассудку пасторъ Симонъ не пользуется посланіемъ къ Евреямъ, очевидно отрицая происхожденіе этого посланія отъ Апостола Языковъ. Но всесторонне и глубоко обвѣянное духомъ Апостола Павла, это посланіе дало бы автору много пояснительныхъ параллелей не только къ общему ученію Апостола о чловѣкѣ, но и въ частности, напримѣръ, къ понятію вѣры, души и духа, тѣла, духовнаго (идеальнаго) и матеріальнаго (сѣннаго) міра и др.

Указанные и неупомянутые недостатки труда Симона конечно не могутъ имѣть добраго вліянія на изучающихъ посланія Апостола Павла. Напротивъ, они послужатъ препятствіемъ къ ясному, всестороннему и правильному постиженію вѣроученія Апостола. Поэтому наставленія: „испытывайте духовъ“ (1 Іоан. 4, 1),—„все испытывайте“ (1 Фесс. 5, 21) и „каждый своимъ умомъ да руководится“ (Римл. 14, 5). здѣсь съ особенною тщательностью должны исполняться.

Но методологическая сторона книжки окажется несомнѣн-

ную пользу молодымъ экзегетамъ посланій Ап. Павла. Сюда надо присоединить ясность изложенія и удачность многихъ сравненій, наглядно уясняющихъ труднопостигаемыя истины апостольскаго вѣроченія.

Переводъ принадлежитъ уже извѣстному въ русской богословской литературѣ автору серьезнаго магистерскаго труда: „Соборное Посланіе Св. Ап. Іакова“ и многихъ болѣе мелкихъ работъ: „Изясненіе труднѣйшихъ мѣстъ 1 и 2 посланій св. Ап. Петра,—Крещеніе мертвыхъ ради.—Мораль Максима Горькаго,—Наше духовенство въ произведеніяхъ Чехова,—Стигматизація,—Избраніе епископовъ въ древней Церкви,—Теорія проф. А. П. Лебедева о братьяхъ Господнихъ“.

По чистотѣ русскаго языка, ясности изложенія, удобочитности и правильности,—переводъ Преосв. Георгія представляетъ не частое явленіе въ переводной русской литературѣ, особенно съ нѣмецкаго языка. Видно, что переводчикъ не только специалистъ по той наукѣ, къ коей принадлежитъ переводимый трудъ, но и, при полномъ обладаніи русскою литературною рѣчью, прекрасно знаетъ и нѣмецкій языкъ.

Всѣмъ, занимающимся толкованіемъ посланій Апостола Павла, рекомендую книжку какъ прекрасное методологическое пособіе.

Въ заключеніе позволяю себѣ сдѣлать замѣчаніе, что для лицъ, преизбыточно обеспеченныхъ и потому не имѣющихъ нужды въ мамонслуженіи гешефтмахерскихъ предпріятій,—изданіе въ русскомъ переводѣ строго научныхъ и безпристрастныхъ литературныхъ трудовъ иностранныхъ, въ настоящее время особенно, представляетъ дѣло весьма плодотворное для русской науки и благодарное для издателей.

М. Муретовъ.
